

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г.Г. ШПЕТА: МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

21–24 ноября 2007 г. в Бордо (Франция) состоялась Международная конференция «Густав Шпет и его наследие: К русским истокам структурализма и семиотики». Вдохновителем и организатором конференции выступила группа исследователей из Университета им. Мишеля Монтеня (Бордо 3) под руководством профессора Мариз Денн, директора Центра по изучению славянских цивилизаций. Конференция проходила также при поддержке журнала «Вопросы философии» (Россия). Представленные на конференции доклады охватывали разнообразные стороны научного наследия Густава Густавовича Шпета. Целью конференции являлось объединение разбросанных по всему свету исследователей творческой деятельности Г. Шпета. В рамках конференции были предложены три магистральные темы для обсуждения: 1. Место понятия структуры слова и выражения в трудах Густава Шпета (онтологическая, методологическая и эвристическая функции); 2. Влияние трудов Густава Шпета в интеллектуальных кругах его эпохи; 3. Актуальность идей Густава Шпета в различных областях знания. К началу работы конференции во французском издательстве Киме вышел перевод сочинения Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова», подготовленный профессором университета им. Виктора Сегалена (Бордо 2) Николаем Завьяловым.

Открытие конференции началось с приветственных слов президента университета им. М. Монтеня профессора **Сингаравелу***, директора Дома гуманитарных наук Аквитании профессора **Х. Буно**, директора лаборатории ЕЕЕ (Европа,

Европейскость, Европеизация) Национального центра научных исследований и университета им. М. Монтеня **Ж. Пайе**, вице-президента по научным делам университета им. М. Монтеня **Н. Ли**, директора Научно-исследовательского центра по изучению славянских цивилизаций **М. Денн**. В ходе этих приветствий **Т. Марцинковская** (Москва, Россия) зачитала обращение к участникам конференции, переданное **Т. Максимовой-Шпет**, а **Т. Щедрина** (Москва, Россия) озвучила доклад **М. Шторх** «Свидетельство как специфическое отношение к творчеству»**.

М. Денн (Бордо, Франция) в своем докладе показала, что труды Г. Шпета предлагают конструктивный выход из философии постмодерна, предвещающей закат гуманитарных наук. Структурализм — слишком узкая парадигма для трактовки идей Г. Шпета, и необходимо выйти в более широкий междисциплинарный контекст. Например, сопоставление идей М. Хайдеггера с идеями Г. Шпета, с одной стороны, дает более общее философское представление о структуре, а с другой — позволяет подчеркнуть специфичность русской философской традиции. Особенно важным в творчестве Г. Шпета **М. Денн** считает открытие им в 1914 г. структуры слова и выражения, которое нашло применение в разных сферах гуманитарного знания. Таким образом, гуманитарные науки могут быть организованы не только на принципах эпистемы данной эпохи, как полагал **М. Фуко**, но также и на основе над-временной структуры, герменевтического метода, как видел **Г. Шпет**.

* Профессор Сингаравелу (Singaravelou) родом из Индии, и это его полное имя (см. сайт Университета им. М. Монтеня: www.u-bordeaux3.fr) (ред.).

** Татьяна Густавовна Максимова-Шпет и Марина Густавовна Шторх — дочери Г.Г. Шпета (ред.).

Доклад **М. Окутюрье** (Париж, Франция) был посвящен Г. Шпету как историку русской философии. «Очерки развития русской философии» стоят особняком от других философских работ Г. Шпета, но всякая история философии имеет собственную философскую подоплеку. В названном сочинении прослеживается ряд «двойных парадоксов» Г. Шпета: с одной стороны, его стремление к предельной научной объективности и скрупулезности в широком привлечении и разборе малоизвестных философских текстов, а с другой стороны – крайне субъективный и оригинальный авторский стиль, усиленный «тенденциозностью» трактовок, яркой афористичностью и иронией. Более того, Г. Шпет успел написать лишь часть задуманной работы, и история философии предстает как исторический анализ преград, стоящих на пути развития философии в России. Такими преградами, согласно Г. Шпету, являлись «невегласие» допетровский Руси, связанное с отрывом от культуры древнего мира, а также утилитарное отношение к философии, науке и интеллектуальной жизни со стороны российской интеллигенции. В завершение доклада М. Окутюрье сравнил по критическому накалу и вере в особое предназначение России «Очерки развития русской философии» Г. Шпета с «Философскими письмами» П. Чаадаева.

В выступлении **В.П. Зинченко** (Москва, Россия), сопровождавшемся визуальной демонстрацией лиц и примет эпохи, прозвучала мысль, что среди многочисленных эпистемологических метафор, помогающих науке воспринимать внутреннюю реальность творческого акта, особое место занимает метафора плавильного тигля (*melting pot*). Согласно Л. Витгенштейну, заметил докладчик, в таком тигле плавится даже логика. Представления о внутренних формах слова, действия и образа, развитие Г. Шпетом, Н. Берштейном и А. Запорожцем, дают этой метафо-

ре конкретное воплощение, поскольку во внутреннюю форму слова входят образ и действие, во внутреннюю форму действия входят слово и образ, а во внутреннюю форму образа – слово и действие. Все это богатство внутренних форм, расплавляясь в тигле, воплощается во внешние формы слова, действия и образа, сохраняя в себе тайны первородного хаоса и требуя от воспринимающего соответствующего вчувствования, понимания и интерпретации.

Анализу понятия «внутренней формы» были посвящены доклады **И. Агеевой**, **В. Аристовой**, **М. Гидини**, **М. Вендитти**, **С. Москвичевой**, **Н. Полевой**, **Л. Польшиковой**, **Б. Пружинина**, **С. Чугунникова**. **И. Агеева** (Лозанна, Швейцария) сравнила понятие «слово» в работах Г. Шпета и **В. Волошинова**, отметив, что, несмотря на то, что оба автора рассматривали слово в качестве культурно-исторического и динамического феномена, между развиваемыми ими подходами существуют важные различия. **В. Аристов** (Москва, Россия) в своем докладе рассмотрел поэтику современной русской поэтической школы метареализма с точки зрения понятия «внутренняя форма слова», а также сравнил «внутреннюю форму слова» с «внутренней актерской техникой», напомнив, что когда Г. Шпет был проректором Высшей школы актерского мастерства в Академии МХАТа, то собственноручно добавил слово «практика» в проект устава кафедры внутренней техники и практики театрального мастерства. Докладчик отметил, что гипотеза ученика Г. Шпета **Н.И. Жинкина** о «языке внутренней речи» играет важную роль в теории лингвистики и практике современной поэзии. **М. Гидини** (Парма, Италия) в своем выступлении отметила, что понятие внутренней формы стало центральным ядром теоретической деятельности ГАХН^{***}, развиваясь в

^{***} ГАХН – Государственная академия художественных наук (*ред.*).

самых разных областях эстетических исследований. Все три выпуска философского отдела ГАХН – сборники «Художественная форма», «Искусство портрета» и монография Г. Винокура «Биография и культура» – были не только основаны на понятии внутренней формы, но и расширили область ее применения. **М. Вендигти** (Аквила, Италия) сопоставил в своем выступлении понятие внутренней формы слова у Г. Шпета и А. Марти. Он подчеркнул, что понятие внутренней формы (впервые введенное В. Гумбольдтом) является одним из самых плодотворных в философских и эстетических дискуссиях начала XX века. Мало исследованный швейцарский философ А. Марти (наиболее последовательный ученик Ф. Брентано) развил теорию внутренней формы языка в своей главной работе, его концепция оказала влияния на Р. Якобсона и членов Пражского лингвистического кружка. В творчестве Г. Шпета внутренняя форма стала ключевым понятием, лежащим в основе сигнификационного процесса в языке. Несмотря на критическую оценку отдельных философских положений А. Марти, Г. Шпет высоко ценил его концепцию внутренней формы. Однако сам Г. Шпет не принимал ни генетической перспективы, ни эмпирического и психологического подхода к изучению области форм, считая, что это ведет к релятивизму и не позволяет развить аргументацию в плане формального анализа. Согласно Г. Шпету, внутренняя форма слова предстает как «отношение звукового или зрительного знака речи к значению этого знака». **С. Москвичева** (Москва, Россия) обратила внимание на изменение языковых единиц и внутренней формы, сопоставив концепции В. Гумбольдта и Г. Шпета.

Н. Полева (Москва, Россия) показала влияние трудов Г. Шпета на исследование проблем художественной формы в ГАХН. «Гахновский» период научного творчес-

тва Г.Г. Шпета занимает особое место в творческой биографии ученого, именно в это время публикуется ряд его наиболее значимых работ. Под влиянием идей Г. Шпета одним из основных направлений научных исследований ГАХН стало изучение проблемы художественной формы. Итогом научной деятельности различных подразделений ГАХН стали сборники статей «Художественная форма» (за 1924–1925 гг.) и «Искусство портрета» (за 1926–1927 гг.). Влияние идей Г. Шпета на деятельность ГАХН может быть сведено к пяти аспектам: во-первых, междисциплинарный характер исследований и ориентация на философию как методологическую основу всех эмпирических исследований как в психологии и психофизиологии, так и в искусствознании; во-вторых, метод структурного анализа слова (а структура социальной вещи формально гомологична структуре слова), позволяющий применить структурный анализ к поэзии, театру, исследованиям в изобразительном искусстве; в-третьих, распространение учения о структуре слова из области языкознания в область философии культуры. Четвертый аспект – оригинальный подход Г. Шпета к анализу экспрессии и экспрессивных форм. Пятый аспект связан с идеей Г. Шпета о слове как универсальном знаке, прототипе всякого знака и выражения. Понимание искусства как знака позволяло рассматривать различные виды искусства как знаковые системы и называть их «языками» (музыки, пластики, живописи). **Л. Польшикова** (Москва, Россия) проследила скрытую полемику между Г. Шпетом и М. Бахтиным и значением идей о внутренней форме для концепции интонации М. Бахтина. **С. Чугунников** (Дижон, Франция) в своем выступлении проследил роль концепта «внутренней формы» в психолингвистических проектах Г. Шпета и В. Волошинова. Проект Г. Шпета, связанный с этнической психологией, и проект

В. Волошинова, ориентированный на социологическую лингвистику (идеи которого восходят к марксистским понятиям «социальной психологии»), были порождены принципами «психологии народов» (М. Лацарус, Г. Штейнталь, В. Вундт) и общими понятиями научной школы, рассматривающей язык как ментальность. Однако в трактовке В. Волошинова природа понимания является идеологической и воплощается в «идеологеме» (несет классовый отпечаток).

Ряд выступлений строился на сравнительном анализе подхода Г. Шпета с подходами, развиваемыми представителями смежных наук. Так, **Н. Азарова** (Москва, Россия) сравнила два опыта философского перевода «Феноменологии духа» Г. Гегеля, предпринятых Г. Шпетом на русский язык и А. Кожевым – на французский. И Г. Шпет, и А. Кожев столкнулись с проблемой отсутствия моделей словообразования «длинных слов», позволяющих Г. Гегелю в немецком языке свободно превращать развернутые предложения и предикативные конструкции в слитые термины. Решением этой проблемы стали дефисные образования. **Н. Васильев** (Саранск, Россия) в своем выступлении отметил, что не только имя Г. Шпета фигурирует в разных контекстах размышлений о творчестве М. Бахтина, но и в ряде бахтинских работ можно последить следы диалога с современниками. Не вызывает сомнений, что посвященные философии и теории языка публикации Г. Шпета были хорошо известны в кругу М. Бахтина. Анализ работ В. Волошинова, М. Бахтина, П. Медведева и др. показывает, что между ними и трудами Г. Шпета есть определенные переклички, общие акценты, прослеживаются корреляции их фразеологии, терминологии, мета-языка в целом. **Д. Иоффе** (Амстердам, Нидерланды) проинтерпретировал философские воззрения Г. Шпета на природу слова, сопоставив его позицию с концеп-

циями русских религиозных философов языка (П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева). Выступающий отметил, что Г. Шпет тяготел к европейскому феноменологическому миру, далекому от судеб русской религиозной философии, и между этими подходами существовала не только идеологическая, но и конфессиональная пропасть, через которую сложно перекинуть общесмысловой мост. **О. Мазаева** (Томск, Россия) в своем докладе, посвященном сопоставлению интеллектуальных стилей Г. Шпета и А. Белого в горизонте Серебряного века, показала, что движение от феноменологии к онтологии (в случае Г. Шпета – к социальной, в случае А. Белого – к экзистенциальной) с неизбежностью вело к герменевтике. Мыслителей сближало критическое отношение к позитивизму и неокантианству. Но если Г. Шпет дал теоретическую, историко-философскую разработку основных проблем феноменологии и герменевтики, то А. Белый выступил выразителем уникальной творческой реализации феноменолого-герменевтического проекта. Г. Шпет в своей герменевтике ориентировался на однозначность смысла, тогда как А. Белый (и В. Иванов) – на многозначность и мифо-символическую герменевтику. **М. Трымбовска** (Щетин, Польша) посвятила свое выступление сравнительному анализу феноменологических идей Г. Шпета и польской феноменологической антропологии, сопоставив антропологические концепции Г. Шпета и Р. Ингардена. **И. Чубаров** (Москва, Россия) осуществил сравнительный анализ понимания субъективности в трудах Г. Шпета, Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Близость понимания смысла и способов субъективации у этих философов, по мысли докладчика, основана на общем социально-политическом мировоззрении, замешанном на идеях Ф. Ницше, К. Маркса и критическом отношении к феноменологии Э. Гуссерля.

Отдельный блок составили доклады, посвященные роли Г. Шпета в развитии теории музыки, значению работ Г. Шпета для теории и практики театра, влиянию его идей на литературоведение и т.д. **Г. Кохлер** (Ольденбург, Германия) исследовала феноменологию музыки в сочинениях Г. Шпета. В своем выступлении она показала, как в «Эстетических фрагментах» Г. Шпет отворачивается от чисто научного описания мира, чтобы дать преимущество его эстетическому обоснованию. Выступающая обратила внимание на полемику между символистами, футуристами и формалистами, а также на размышления А.Ф. Лосева о музыкальных явлениях. **Н. Щеткина-Роше** (Бордо, Франция) сосредоточилась на значении трудов Г. Шпета в современной эстетике, рассмотрела шпетовскую концепцию музыкальных форм, противопоставив западную и восточную музыкальную эстетику. **Г. Тиханов** (Манчестер, Великобритания) подробно реконструировал развитие теории театра в 1920-е гг., отметив участие Г. Шпета в различных формах в современном ему литературоведении и театральном искусстве.

О. Новикова (Москва, Россия) рассмотрела Г. Шпета как литератора, на ярких примерах показав, что язык «Эстетических фрагментов» является красноречивым подтверждением тому, что философский дискурс есть сочетание логических построений с художественными приемами. Экспериментируя со словом, Г. Шпет осуществил экспансию философии в литературу и жизнетворчество. Сравнения и метафоры основаны не столько на внешнем сходстве, сколько на эмоционально-психологическом восприятии предметов и явлений. Системным свойством языка «Эстетических фрагментов» стала метафорическая образность. Принципиальные положения Г. Шпета реализовывались в метафорах, связанных с любовью и рождением; в

полемических контекстах появлялись метафоры разврата. В огрублено-прозаизованной манере Г. Шпет отзывался о легендарных фигурах и именах: «Фауст легенды не без успеха обделывал свои делишки», «Данте начал ловеласничать». Г. Шпет извлекал экспрессивный эффект также из просторечия, из бранной лексики («ублюдок» — о синтезе искусств), прибегал к окказионализмам, строил свежие оксюмороны. Завершая свое яркое выступление, О. Новикова отметила, что все это окутывалось творческим остроумием, самоиронией и что философия немислима без терминологически и космополитически культурного фундамента. В «Эстетических фрагментах» представлены «звонкие греческие слова», англицизмы, германизмы и т.д. Для Г. Шпета не было границы между родным и неродным языком.

Р. Ванчуров (Москва) проанализировал «речевое поведение» Г. Шпета при построении текста, отметив, что эмоциональная составляющая прослеживается в самых разных жанрах философствования. Сравнив анализы истории, предпринятые В.С. Соловьевым и Г.Г. Шпетом, докладчик обратил внимание на разные эмоциональные стили — соответственно, иронию и сарказм. Но не происходит ли так, что благодаря своей эрудиции эмоционально «заряженный» автор, работая даже в рамках серьезного академического жанра, непроизвольно разрушает реальную ценность объекта, порождая мнимую реальность? **К. Жери** (Париж, Франция) рассмотрела прозу Н. Лескова в свете эстетики Г. Шпета. **Ж. Ланн** (Лион, Франция) сопоставил подход Г. Шпета с русским футуризмом. **Г. Левинтон** (Санкт-Петербург, Россия) проследил за взаимоотношениями Г. Шпета и группой журнала «Гермес». Машинописный журнал издавался в Москве в 12 экземплярах, его выпускали преимущественно участники Московского лингвистического кружка

анти-ОПОЯЗовского**** и антифутуристического направления. Создатели журнала были учениками Г. Шпета по Московскому университету, и мемуаристы отмечают стилевое и даже орфографическое влияние Г. Шпета на «Гермес». Согласно Г. Левинтону, единственным фактом реального участия Г. Шпета в «Гермесе» являются два его стихотворных перевода с греческого (Гермес. 1922. № 3. С.89–91). **Л. Люсьи** (Москва, Россия) сравнил «логику истории», подробно разобрав подходы к этой проблеме Р. Барта, Х. Уайта и Г. Шпета. **В. Новиков**, сопоставив литературоведческие подходы и интеллектуальные стили Г. Шпета и Ю. Тынянова, обратил внимание на связь литературных каламбуров с традициями немецкого и французского языков, подчеркнул взаимовлияние философии и литературы. Докладчик отметил, что научные противоречия между формалистами и Г. Шпетом были спорами внутри одной познавательной системы, одной культуры. ОПОЯЗ постулировал ценность мысли как таковой, но выносил за скобки ценность личности, не признавал философской рефлексии над философским текстом. Принципиальной установкой Ю. Тынянова был отказ от категории «образность». Г. Шпет придерживался взгляда, что философия и филология усиливают друг друга, философия без литературной обработки ничего не стоит, а личность может быть рассмотрена как аналог слова и требует герменевтического подхода. Изучение типологии художественных приемов так и не сомкнулось с исследованием типологии авторских личностей, но соединение этих двух линий — интересная задача для современной науки. Лучше поздно, чем никогда. **П. Флак** (Прага, Чехия) посвятил свой доклад сравнению

идей В. Шкловского, М. Мерло-Понти и Г. Шпета в парадигме структурализма.

И. Иванова (Лозанна, Швейцария) в своем выступлении рассмотрела Институт живого слова как предвестник Государственной академии художественных наук. В 1918–1923 гг. в Петрограде стремительно возникали и исчезали многочисленные учебные заведения, поэтому Институт живого слова особенно не привлекал внимания исследователей русской культуры. Однако внимательный анализ его деятельности показывает, что он играл важную роль в новых научных направлениях как лингвистики, так и гуманитарной науки в целом. **А. Шиян** (Москва, Россия) попыталась артикулировать онтологические основания философии Г. Шпета. Выступающая выделила в работах Г. Шпета два противоречащих друг другу понимания «подлинной действительности», несогласованность которых приводит к неясностям в шпетовской трактовке языка. Почти во всех работах Г. Шпета можно найти понимание действительности как реальности окружающего нас социального мира. В поздний период своего творчества Г. Шпет рассматривает «подлинную действительность» с точки зрения языка. Во «Внутренней форме слова» мир социального опыта представлен как коммуникативная действительность, а язык рассматривается с точки зрения дихотомии «материальное — идеальное». А. Шиян приходит к выводу, что платоновское царство вечных идей было руководящей нитью для всего творчества Г. Шпета и не позволило ему полностью реализовать феноменологическую установку по отношению к языку. **П. Штайнер** (Пенсильвания, США) построил свой доклад на проблематизации: математическая формула красоты, приведенная в третьем «Эстетическом фрагменте» Г. Шпета, — это интеллектуальная игра или «серьезное дело»? Возможен ли математический подход к проблемам культуры? Докладчик показал, что для

**** ОПОЯЗ. Существуют варианты расшифровки этой аббревиатуры: Общество изучения поэтического языка (Л. Гинзбург), Общество изучения теории поэтического языка (В. Шкловский, один из создателей ОПОЯЗ) (ред.).

Г. Шпета образ и логос не являются дилеммой.

Тема «Шпет и Бахтин» стала лейтмотивом ряда докладов. **Р. Берд** (Чикаго, США), развивая в своем докладе идеи, что в теоретической эстетике 1920-х гг. символисты, В. Иванов и А. Белый обращались к проблемам текучей или открытой формы, к вопросу о том, каким образом художественные знаки способны производить новые смыслы в сфере идеологии, сравнил понятия образа и нарратива, разрабатываемые в концепции Г. Шпета и в круге М. Бахтина. **Л. Гоготишвили** (Москва, Россия) обратила внимание, что, хотя Г. Шпет и М. Бахтин принадлежали к противоположным культурным парадигмам, их концепции сближаются в ракурсе поиска выхода из кризиса субъективности. Выступающая отметила и другие точки сближения, подчеркнув, что подобный анализ позволяет выявить действительно принципиальные различия и специфические особенности двух авторских редакций «лингвистического поворота» в философии – «позитивной» – у Г. Шпета и «негативной» – у М. Бахтина. **Р. Грюбель** (Ольденберг, Германия) сравнил «эстетику поэзии» Г. Шпета с «эстетикой прозы» М. Бахтина, показав, какие художественные тексты употребляются этими мыслителями в качестве примеров и какие модели будущей культуры предполагаются в их сочинениях.

В возникшей дискуссии **Г. Тульчинский** (Санкт-Петербург, Россия) заметил, что М. Бахтин в известной социокультурной обстановке сделался вынужденным литературоведом, и официальная советская традиция представляла его как структуралиста, тогда как в реальности он был в большей степени персонологом. Таким образом, невозможно рассматривать мыслителя вне анализа его исторической судьбы и отражения жизненных перипетий в творчестве: необходимо также учитывать из какого философского контекста

вырастают концепции и В. Гумбольдта, и В. Вундта, и Ф. Ницше, и М. Бахтина, и Г. Шпета. Причем каждый оригинальный мыслитель вошел в историю культуры своей метафорой. Если для Ф. Ницше такой метафорой стала «воля к власти», для Ж. Дерриды – «деконструкция», то для Г. Шпета – «внутренняя форма» слова. Принципиальная открытость метафоры дает толчок богатству интерпретаций, а наследие Г. Шпета – пример такой открытости к различным интерпретациям и возможностям теоретического конструирования.

Тема «Шпет и семиотика» нашла отражение в докладах Е. Вельмезовой, Б. Пружинина, Г. Тульчинского, В. Фещенко. **Е. Вельмезова** (Лозанна, Швейцария) проследила линии Н. Марра и Г. Шпета, восходящие от семантики к разным видам семиотики. Семиотика зарождается из интегрального или холистического подхода к объектам исследований, из стремления к развитию «на границах» наук. Подобные методологические установки сближают подходы Н. Марра и Г. Шпета. Исходя из исследований знака и его семантической составляющей, ученые постепенно приходят к двум разным видам семиотики, к разным семиотическим дискурсам. Е. Вельмезова в своем докладе также отметила, что переход от семантики к семиотике происходил в первой половине XX в. не только в России, и сравнила интеллектуальную атмосферу в России и Западной Европе в данную эпоху. **Б. Пружинин** (Москва, Россия) заметил, что особенностью русской философии XIX–XX вв. является отношение к общению как к самоценности. Г. Шпет распространил это отношение на методологию гуманитарного знания, открыв особый пласт методологического исследования, связываемый им с «исторической семасиологией». Отказавшись от программ методологической реконструкции науки, ориентировавшихся либо на опыт,

либо на чистую логику, с опорой на феноменологические процедуры Г. Шпет искал реальный план, в котором опыт и логика могли бы соотноситься друг с другом в исполнении основной функции познания. Эту функцию Г. Шпет определил как план «выражения» или «изложения» («коммуникативный аспект познания»). Согласно Б. Пружинину, идея Г. Шпета о различении номинативной и смысловой предметности слова является чрезвычайно важной для методологии гуманитарных наук. **В. Фещенко** (Москва) обратил внимание на «глубинно-семиотическую линию» в русской гуманитарной науке XX в., показав ее параллельное развитие с линией европейской семиотики. Именно понятие «внутренней формы» создает оригинальность и основы «глубинной семиотики», однако, если русский структурализм смог оформиться в определенное научное направление, то «глубинная семиотика» является как бы *мерцающей* традицией, которую еще предстоит реконструировать.

Философскому и методологическому анализу трудов Г. Шпета были посвящены выступления М. Гусельцевой, Н. Завьялова, Э. Коморовски, Э. Кохан, Т. Марцинковской, В. Молчанова, Г. Тульчинского, С. Хоружего, Т. Щедриной. **М. Гусельцева** (Москва, Россия) показала, что в начале XXI в., когда в психологии прослеживается «поворот» в сторону гуманитарного знания, обращение к Г. Шпету актуально, поскольку именно в его работах разрабатывалась традиция психологии как интерпретирующей науки. Однако феномен Г. Шпета не следует рассматривать как отдельное явление в российской культуре – он стоит в одном ряду с М. Бахтиным, К. Кавелиным, А. Потебней и другими учеными, которые внесли вклад в разработку парадигмы, разворачивающей психологию лицом к культуре. Но если М. Бахтин разрабатывал методологию гуманитарного познания в целом, то Г. Шпет наметил гуманитарные перспек-

тивы конкретно для психологии. В небольшой работе «Один путь психологии и куда он ведет» (1912) Г. Шпет дал методологическое обоснование культурно-аналитической традиции в психологии. Г. Шпет пытался выяснить роль герменевтики в качестве методологии гуманитарного знания, и здесь прослеживается сближение позиции Г. Шпета с позицией М. Бахтина: не эмпирические факты, а тексты служат источниками гуманитарного знания; на смену разрыва объяснения и описания должна прийти интерпретация (что позволяет преодолеть дилемму дуализма В. Дильтея); гуманитарные науки не замкнуты в своих дисциплинарных границах, залог их эффективности – междисциплинарный дискурс и методы тоже должны быть междисциплинарными. **Н. Завьялов** (Бордо, Франция) посвятил свой доклад методологическим перспективам понятия внутренней формы в психологии и когнитивных науках. По мысли докладчика, изучение разновидностей человеческого поведения подводит нас к идее внутренней формы слова как определения культурной парадигмы. Рассматриваемое с точки зрения языковой практики с учетом взаимосвязанных факторов энергии, формирующей силы и объективированной логики, это понятие характеризует развитие феномена изменчивости, заимствованного у В. Гумбольдта, но освобожденного от спекулятивно-концептуальной и психофизиологической окраски. Н. Завьялов отметил, что теоретические концепты Г. Шпета (например, интеллигибельная интуиция, коммуникабельность, экспрессивность, дистрибутивная предикативность) предвосхитили некоторые современные научные разработки, посвященные взаимосвязи субъекта и социоэкологии. **Э. Коморовска** (Щецин, Польша) показала актуальность научных концепций Г. Шпета в контексте современного языкознания. Она сравнила идеи Г. Шпета с принятыми в современной

лингвистике методами описания языка, с рядом современных методологий, таких, как структурализм, генеративная грамматика, прагмалингвистика, когнитивизм. **Э. Кохан** (Щетин, Польша) сопоставила концепции человека в догматическом марксизме сталинского времени и философию человека у Г. Шпета, подчеркнув, что конфликт между этими концепциями был неизбежен, она также отметила роль трудов Г. Шпета в развитии философии человека в Польше.

Т. Марцинковская (Москва, Россия) в своем выступлении показала, что интерес к работам Г. Шпета основан на том, что они сегодня созвучны вставшим перед гуманитарной и, в частности, психологической наукой проблемам. Во-первых, в концепции Г. Шпета впервые фактически (не терминологически) были введены понятия «механизм развития» и идентичность (прежде всего, этническая). Эти термины отождествляются с понятиями переживания и самосознания. Во-вторых, положение Г. Шпета о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации в современной изменчивой и неопределенной ситуации, которая умножает точки бифуркации в развитии личности и дает основание для появления множественности аспектов Я в разных ситуациях и разных группах. Это постоянство и выделяет культуру как фактор, помогающий «восстановить связь времен», именно культура, эмоционально воспринимаемая как единое целое, как часть социальной, этнической и личностной идентичности, дает укорененность и устойчивость, позволяя найти точки опоры в изменяющейся действительности и восстановить утраченную целостность восприятия мира и себя в мире. В современной ситуации этот вопрос приобретает исключительную важность, т.к. включение этнической идентичности как стабилизационного фактора во многом становится причиной нетерпимости

к другим народам и социальным группам. Наконец, идеи Г. Шпета о путях развития психологии приобретают новое звучание в эпоху постмодернизма и конструкционизма. Эта методология очень органично связывается с методологическими построениями Г. Шпета, прежде всего, с его стремлением к междисциплинарным связям и его скептицизмом.

В. Молчанов (Москва, Россия) принял анализ термина Я в концепции Г. Шпета и показал разные контексты интерпретации этого термина – философский контекст, концептуальный, семантический, Я как источник самоочевидности и Я как основа единства сознания. В статье «Сознание и его собственник» Г. Шпет дал собственное видение проблемы Я: наряду с концептуальным рассмотрением (идушим от Э. Гуссерля), он предложил семантическое, проанализировал разные значения термина, подверг критике целый ряд учений, в том числе и Э. Гуссерля, в которых термин Я выдвигается на передний план в связи с понятием единства сознания.

Г. Тульчинский (Санкт-Петербург, Россия) заметил, что в конце XX в., когда переходный характер постмодерна сделался очевиден, произошло и осознание необходимости сдвига гуманитарной парадигмы. Тенденции динамики гуманитарной методологии: от онтологической доминанты и позитивизма – к феноменологии, а затем через герменевтику и постструктурализм – к вызреванию персонологической и постперсонологической доминанты. Именно эта динамика нашла выражение в творческой биографии Г. Шпета: в его эволюции от феноменологии Э. Гуссерля к историческому анализу и герменевтике. Г. Тульчинский сравнил научный путь Г. Шпета с интеллектуальной эволюцией М. Хайдеггера, который двигался от феноменологии в сторону философии человеческого бытия, а затем и к способам выражения этого бытия в языке

(язык как «дом бытия»). Г. Шпет считал оба эти направления неразрывными, доказывая, что самосознание Я органически включено в целое мира. Докладчик показал, что если традиционный семиотический подход ограничивается описаниями *de facto*, то «глубинная семиотика», развиваемая Г. Шпетом, а также М. Бахтиным, Л. Выготским, П. Флоренским, выходит в персонологическое измерение свободы и ответственности как источника смыслообразования. Такой подход может быть назван «семиодинамикой». В данном ракурсе концепции знаковых систем дополняют и развивают «семиологию», восходящую к Ф. де Соссюру и французскому структурализму.

С. Хоружий посвятил свой доклад пределам феноменологии и перспективам неклассической антропологии. В докладе был представлен феноменологический анализ определенного класса явлений мистического опыта (исихастской практики православия). По мнению докладчика, детальная реконструкция структур этой практики, развиваемая им в русле неклассической «синергичной антропологии», выявляет конкретные черты, в силу которых описание данного рода опыта недостижимо посредством обычного, «классического» интенционального акта. В сфере мистического опыта можно ввести понятие обобщенной или усиленной «холистической» формы интенциональности, в которой представлены энергии всех уровней человеческого существа: телесно-физические, нравственно-эмоциональные и интеллектуальные.

Т. Щедрина (Москва, Россия) отметила, что идеи Г. Шпета особенно значимы сегодня для ряда гуманитарных наук, таких, как психология («типология культурного сознания» — культурно-исторический подход), история, культурология и политология («историческая семиология» — история понятий), лингвистика и литературоведение («внутренняя форма слова» — структурно-семиотический подход), а также философия («герменевтическая диалектика» — деконструкция). Актуальность всех этих идей связана, прежде всего, с ориентированностью Г. Шпета на коммуникативный подход (что в русской философии в целом нашло отражение в понятии соборности) и на онтологический поворот к слову и языку.

В итоговой дискуссии было замечено, что современный жанр фэнтези представляет собой своеобразный синтез искусств, универсальную платформу интеграции массовой культуры (Г. Тульчинский), но вопрос о том, что может стать основой синтеза жанров в современной науке, так и остался открытым. Подводя черту под докладами и дискуссиями конференции, М. Денн предложила продолжить обсуждение проблемы взаимовлияния французской и русской культур на других конференциях, Т. Марцинковская отметила феномен многогранности и богатства интерпретации творчества Шпета, а Т. Щедрина поделилась информацией о планируемых изданиях работ Г. Шпета в России.

*М.С. Гусельцева
Н.С. Полева*